

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ты - тот Лунный месяц,
который он ищет

ПОКА ЛУНА НЕ ПОГАСЛА

Для Бонд

18+

Лия Бонд

Пока луна не погасла

<https://litres.ru/74416539>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты — тот Лунный месяц, который он ищет».

Девятнадцать лет Луна Ашер видела один и тот же сон. Коридоры, запах сырости и чьи-то шаги за спиной. Она не знала, что это не сон. Что это Лимб. И что там, в темноте, её ждет Тенебрис — Пожиратель снов, демон, которого боятся даже мертвые. Но Тенебрис не хочет её убить. Он хочет вернуть свой месяц. Свою Луну. Свою.

Теперь, когда тайна раскрыта, Луна стоит перед выбором: бежать от демона, который ищет её веками, или встретиться с ним лицом к лицу и узнать, почему её свет горит для него ярче всех звезд в Лимбе.

Содержание

Эпилог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лия Бонд

Пока луна не погасла

Эпилог

Вы когда-нибудь задумывались, как выглядит смерть после жизни? Вот и я никогда об этом не думала. Ну, точнее, не настолько, чтобы понять сразу: я уже мертва.

Это знание приходит не как озарение, а как запах — сначала ты чувствуешь его краешком сознания, но прогоняешь, потому что он мешает делать вид, будто всё по-прежнему. Раньше я видела сны. Они всегда были довольно мрачными, липкими, как паутина в сыром подвале. В них не было чудовищ с клыками или кровавых рек — нет, всё гораздо хуже. Мне снились бесконечные коридоры без дверей, которые вели в такие же коридоры, или лица людей, которых я знать не знала, но почему-то оплакивала, стоя над их могилами.

Просыпаясь, я хваталась за блокнот на тумбочке — у меня была привычка записывать сны, чтобы поймать ускользающую мысль. Я исписала уже три толстых тетради, и они всегда лежали у изголовья, как талисманы. Но сейчас, оглядываясь назад, я не могу вспомнить ни одной записи. Ни буквы. Ни слова. Только чувство, что там было что-то важное, что-то, что могло бы меня спасти. А ещё я помню странный

звук. Как будто где-то за стеной без остановки перелистывают страницы. Тихо, настойчиво, без конца. И вот я стою здесь. В этом месте, где нет ни стен, ни горизонта, только серый свет, льющийся непонятно откуда. И чувствую кожей то, что раньше чувствовала только во сне — чужое присутствие. Оно дышит мне в затылок, но стоит обернуться — там лишь пустота, которая знает моё имя.

Я мертва.

Но разве у смерти есть право быть настолько реальной? Ведь если я чувствую этот сырой холод на щеках, если я всё ещё могу ненавидеть тусклый свет за то, что он не даёт мне увидеть лица, значит, я всё ещё есть. Вопрос лишь в том — что именно есть.

Где-то в глубине сознания, там, где раньше прятались мои сны, щёлкает замок. Мне кажется, или за той дверью, которую я не могу открыть, кто-то ждал меня всё это время? И блокноты, которые я не помню, были не просто записями. Они были ключами. Но сейчас у меня в кармане лишь пустой конверт без адреса и монета с неизвестным гербом.

Не густо для первой минуты вечности.

Глава 1. Город между мирами

Наш городок называется Альмовен. Если вы когда-нибудь видели старый Лондон в тумане, когда готические шпили касаются серого неба, а мостовые блестят от вечной мороси — вы поймете, о чем я. Но нет, Альмовен — не Лондон. Лондон хотя бы пытается казаться современным. А мы... мы засты-

ли в средневековье, и ей-богу, иначе не выразиться. Здесь нет стеклянных небоскребов, нет ярких вывесок, от которых рябит в глазах. Наши улицы вымощены булыжником, который помнит подковы лошадей и тяжелые шаги рыцарей. Фонари — кованые, с мутными стеклянными плафонами, и они зажигаются ровно в сумерки, распугивая тени, которые любят собираться у стен. Дома стоят так тесно, что с балкона можно передать соседке солонку. Углы зданий украшены горгульями — и они смотрят на прохожих так, будто знают то, что мы не смеем даже прошептать. И самое смешное — технологический прогресс добрался и до нас. Пять вышек сотовой связи. Всего пять. Но если взглянуть на город с высоты птичьего полета (или, скажем, с холма Мёртвого Дубравника), эти вышки выстраиваются в отчетливую фигуру. Звезда. Не пятиконечная — с шестью лучами, переплетенными в сложный узор. В школе на уроках истории нам говорили, что это пентограмма — древний символ защиты. Но от чего нас защищают эти вышки? Или что они удерживают внутри?

Мне нравится наш город. Со всеми его странностями. Есть в этом какая-то честность, что ли. Альмовен не притворяется тем, чем не является. Он мрачный, он сырой, он пахнет старым камнем и мокрой листвой — и именно это делает его настоящим. Но есть вещи, которые я замечала с детства и которые никто не объяснял. Например, собак. У нас нет ни одной. Я абсолютно серьезно. Никто из жителей никогда не выгуливал пса, нигде не слышно лая, на заборах не

висят таблички «Осторожно, злая собака». Будто их вычеркнули из самой идеи нашего города. А вот кошки — везде. Они сидят на подоконниках, греются на крышах, бесшумно перебегают дорогу в сумерках. И знаете, какая у них масть? Черная. Подавляющее большинство.

Я пересчитала как-то за месяц — из тридцати четырех встреченных котов тридцать два были черными, как ночь без луны. Местные говорят, что это к удаче. Но я не думаю, что удача любит темноту настолько сильно.

Мой кот — исключение. Его подарили мне на шестой день рождения. Крошечный комочек, который в первый раз открыл глаза и посмотрел на меня. Он был альбиносом — белая, почти прозрачная шерсть, розовая кожа на подушечках лап и глаза цвета бледного неба. Я назвала его Люкс. Свет на латыни. Потому что в самые мрачные дни, когда я просыпалась в слезах от очередного кошмара, он приходил и ложился мне на грудь. Его урчание звучало как тихое заклинание. Он прогонял тьму, которая цеплялась за меня липкими пальцами. Я верила, что Люкс — мой талисман. Я верила, что с ним мне ничего не грозит.

Но кошмары, в отличие от котов, не проходят.

Я помню свой первый сон так, будто он случился вчера.

Мне было четыре года. Я заснула в своей розовой комнате, пахнущей плюшевыми мишками и мамиными духами. А проснулась — в коридоре. Длинном, бесконечном, с низким потолком, который давил на плечи. Стены из старого серого

камня, покрытого липкой плесенью. Кое-где камни выпали, оставив черные дыры, из которых тянуло сквозняком. Я не могла пошевелиться. Вместо ног — свинцовая тяжесть. Но я слышала. И чувствовала.

Запах. Мой самый ненавистный запах — сырость. Не та, что бывает в подвале после дождя. Нет. Это была сырость мертвая. Каменная, холодная, вечная. Она просачивалась в легкие, и я задыхалась, не в силах закричать.

А еще был звук. Словно кто-то волочил тяжелую цепь по полу. Медленно. С остановками. Будто прислушивался.

Я просыпалась в крике. С мокрой подушкой и чувством, что кто-то только что стоял надо мной. Родители прибежали мгновенно — в шелковых халатах, с растрепанными волосами. Они гладили меня по голове, пили валерьянку и говорили, что это просто детские страхи, что я перерасту.

Не переросла.

За эти годы я сменила больше психологов, чем платьев. Все они

задавали одни и те же вопросы: "Что ты видишь?", "Что чувствуешь?", "Было ли в твоей жизни что-то травматичное?" Я честно им отвечала: ничего не было. У меня идеальная семья. Любящие родители. Уютный дом. Красивая жизнь. Меня кормили, одевали, водили в лучшие школы, покупали книги и давали столько свободы, сколько возможно дать девушке в таком старом городе. И тем не менее каждую ночь я возвращалась в каменный коридор.

Они пытались гипнозом. Трансом. Даже экстрасенсов приглашали — тайком от отца, разумеется. Те кивали на "родовое проклятие", "сглаз" или "открытый портал". Мама платила и просила их уйти. Мы больше никогда не говорили об этом.

Но я знала правду. Коридоры во сне были реальны. Я чувствовала их на вкус, на ощупь. И самое страшное — иногда мне казалось, что кто-то ждет меня в конце. Кто-то, кто знает мое имя и зовет, но я не хочу отвечать.

Мне девятнадцать. И если бы не моя внешность, я была бы самой обычной девушкой в Альмовене.

Я высокая — рост метр семьдесят три, и в моем возрасте это делает меня выше большинства парней в городе. У меня миловидное лицо: точеный нос, высокие скулы, губы, которые мама называла "вишневыми", несмотря на бледность кожи. Волосы — моя гордость и моя беда. Пепельные, почти белые, как у старух, но живые и шелковистые. Они доставали мне до колен. Я отращивала их с двенадцати лет, и теперь это была тяжелая, красивая грива, которую я заплетала то в две длинные косы, то в высокий хвост, чтобы не мешались.

Но главное — глаза. Малиново-сиреневые, с фиолетовым отливом, будто в них разбавили чернила и кровь. Врачи разводили руками: "Приближенная степень альбинизма, редкий генетический сбой, не волнуйтесь, девочка видит нормально". Только вот люди боялись. В детстве дети из школы перешептывались за моей спиной: "ведьма", "подкидыш", "про-

клятая". Мне было больно, но я научилась улыбаться в ответ. Красивая улыбка обезоруживает гораздо лучше грубости.

В нашем городке даже ходили слухи, что меня подменили в роддоме. Что у таких бледных волос и фиолетовых глаз не могут быть родители с каштановыми шевелюрами и карими зрачками. Но я точно знаю, что я их дочь.

Во-первых, у нас с мамой одинаковые родинки — аккуратные полумесяцы на левых ключицах. Совпадают до миллиметра. Я проверяла. Во-вторых, я унаследовала папин ум. Он математик, преподает в университете соседнего города, и я всегда легко щелкала задачи, от которых взрослые морщили лбы.

А в-третьих... я не чувствую боли. Никакой.

Отец говорил, что это фамильная особенность по его линии. Мужчины в их роду не ощущали физической боли — ни от порезов, ни от ожогов, ни от переломов. Очень полезное свойство для средневековых воинов, как он шутил. Но я единственная девочка, которая унаследовала эту черту. Когда я упала с велосипеда в восемь лет и рассекла колено до кости, я не заплакала. Я просто смотрела, как течет кровь, и думала: "Надо же, как странно". Врачи тогда побледнели. Родители запретили мне когда-либо рассказывать об этом посторонним. Семейный секрет, сказали они.

Так что да, я красивая, умная, не чувствую боли и вижу сны про темные коридоры. Как вам такой набор для обычной девятнадцатилетней девушки из средневекового города

с вышками в форме пентограммы?

Сегодня я проснулась особенно рано.

В окно уже сочился молочный рассвет. Люкс спал у меня на подушке, свернувшись белым клубком. Я провела пальцем по его уху — он дернул лапой, но не проснулся. На тумбочке лежал раскрытый блокнот, на котором я нацарапала что-то ночью, просыпаясь от очередного сна. Строки дрожали: "Он придет не из коридора. Он уже здесь. Ищи ключ на дне. Не смотри в глаза".

Я перечитала это трижды, и по спине пробежал холод. Я не помнила, как писала. Вообще. Но почерк был мой.

А внизу, из кухни, уже доносился запах свежих булочек и мамин голос, напевающий старую балладу. Наш город, наш дом, моя жизнь — всё на своих местах. Но внутри меня медленно, но верно росло чувство, что очень скоро всё это рухнет.

Люкс открыл один глаз. Молочный, ясный. И мяукнул.

Я улыбнулась. Но улыбка вышла грустной.

— Знаешь, Люкс, — прошептала я, — мне кажется, что в этой жизни я просто жду. И сама не знаю чего. Или кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.